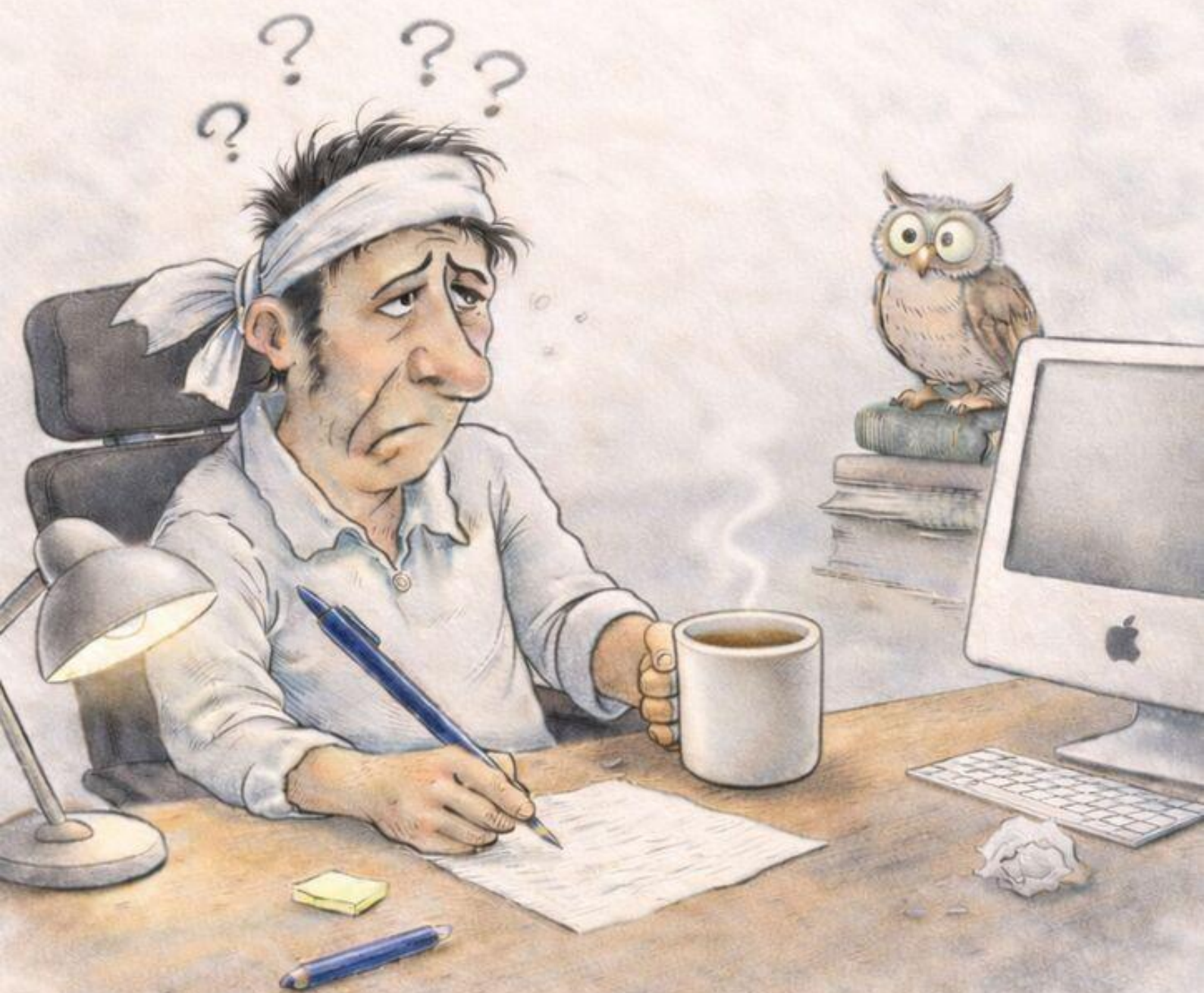

12+

Виктор Харебов

Муки творчества

Виктор Харебов

**Муки творчества. Пособие
по бесполезным советам писателю**

«Издательские решения»

Харегов В.

Муки творчества. Пособие по бесполезным советам писателю /
В. Харегов — «Издательские решения»,

Юмористическая повесть «Муки творчества» — это ироничный и честный рассказ о том, как на самом деле пишутся книги. Здесь нет героического вдохновения и высоких озарений — зато есть сомнения, бесконечные правки, советы друзей, отчаяние, надежда и немного упрямства. Это история о том, как трудно писать, как еще труднее переписывать, и как в итоге все-таки получается книга. С улыбкой, самоиронией и любовью к литературе.

© Харегов В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Как я придумывал название книги	7
Как я писал первую страницу	10
Как я сокращал текст	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Муки творчества Пособие по бесполезным советам писателю

Виктор Харемов

© Виктор Харемов, 2026

ISBN 978-5-0070-1538-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга появилась совершенно случайно, как, впрочем, и большинство серьезных вещей в жизни, которые сначала никто не собирался делать, а потом они почему-то оказываются сделанными, причем иногда довольно большими по объему.

Сначала я вовсе не собирался писать никакой книги. Я собирался написать небольшой рассказ. Потом я собирался написать еще один небольшой рассказ, чтобы первому было не скучно. Потом оказалось, что рассказы почему-то продолжают появляться, и каждый новый рассказ был про то, как трудно писать предыдущий рассказ. В какой-то момент я понял, что пишу уже не рассказы, а хронику борьбы человека с текстом, предложениями, диалогами, названиями, внутренним голосом и словом «внезапно».

Однажды я разложил все написанные тексты на столе, посмотрел на них и понял, что они подозрительно похожи на книгу. Это меня немного испугало, потому что написать рассказ — это одно, а написать книгу — это уже звучит серьезно, и сразу возникает ощущение, что нужно вести себя солиднее, писать умнее и чаще задумываться.

Я даже сказал моей дочери:

— Кажется, у меня получилась книга.

Она спросила:

— Ты ее специально писал?

— Нет.

— Тогда это самая честная книга, — сказала она.

После этого я решил ничего не исправлять специально и оставить все как есть, потому что если начать серьезно редактировать, можно случайно сделать книгу умной, а она должна была получиться скорее правдивой, чем умной.

Эта книга вообще не совсем про литературу. Она про человека, который решил написать книгу и неожиданно обнаружил, что самое трудное — это не написать книгу, а написать первую страницу, придумать название, сократить текст, не сократить текст слишком сильно, написать диалоги, не дать героям разговаривать три страницы подряд, не описывать погоду пятнадцать страниц, не переписывать все заново каждую неделю, не спорить с внутренним голосом и не отправлять рукопись всем знакомым одновременно.

Я не знаю, можно ли назвать эту книгу юмористической, потому что все, что в ней описано, сначала казалось совсем не смешным, особенно когда переписываешь одну страницу шестой раз или придумываешь название три недели подряд, но потом, когда проходит время, это почему-то начинает казаться довольно смешным, особенно если книга все-таки написана.

Если эта книга поможет кому-то написать свою книгу — это будет хорошо. Если она поможет кому-то не писать книгу — это тоже будет полезно, потому что человек экономит много времени. Если же она просто заставит кого-то улыбнуться — значит, она написана не зря, потому что, как показывает опыт, писать книги трудно, а улыбаться все-таки легче.

И, пожалуй, это все, что нужно сказать в Предисловии, потому что слишком длинное Предисловие может вызвать подозрение, что автору больше нравится писать предисловия, чем книги.

Как я придумывал название книги

Когда я решил написать книгу, я был уверен, что самое главное — это придумать хорошее название, потому что книгу, как и человека, сначала встречают по названию, а уже потом, если повезет, читают дальше. Мне казалось, что стоит придумать звучное, умное, немного загадочное название, и половина работы будет сделана, а сама книга потом как-нибудь подтянется под это название, потому что нельзя же написать плохую книгу с таким хорошим названием. Поэтому писать книгу я пока не стал и занялся более серьезным делом — придумыванием названия.

Я открыл новый файл и первым делом написал сверху слово «Название», а под ним стал записывать варианты. Сначала все шло хорошо и торжественно. Я написал: «Дороги судьбы». Потом посмотрел на это название и почувствовал, что где-то уже это видел, причем много раз, возможно, на полке в магазине между книгами «Пепел надежды» и «Тени прошлого». Тогда я написал «На перекрестке времен». Это звучало еще более серьезно, и мне даже показалось, что такую книгу должен писать человек с бородой и в свитере, а не я за кухонным столом. Тогда я написал «Когда падают листья». Это было красиво, но сразу возникал вопрос, что делать, если в книге действие происходит летом. Тогда я написал «Туда, где никто не ждет». Это название мне понравилось, но оно звучало так, будто герой всю книгу ходит по учреждениям.

Я решил сменить направление и написал «Человек у окна». Это выглядело литературно, но я понял, что половина мировой литературы — это человек у окна, потому что герои все время или смотрят в окно, или думают у окна, или уходят от окна, чтобы потом снова к нему вернуться. Тогда я написал «Окно человека». Это уже звучало философски, но я не был уверен, что читатель захочет читать книгу про окно. Тогда я написал «Человек, который смотрел в окно». Потом «Окно, которое смотрело на человека». На этом месте я понял, что если продолжать, то следующая книга будет называться «Человек, который смотрел на окно, которое смотрело на человека, который смотрел на улицу».

В этот момент в комнату зашла моя дочь, посмотрела на монитор и спросила:

— Ты книгу пишешь или названия для книг?

— Пока названия, — честно ответил я. — Книга будет потом.

— А зачем сначала название?

— Чтобы знать, о чем писать.

— А если ты придумаешь название «Морские истории», а книга получится про бухгалтерию?

— Тогда это будет метафора, — сказал я.

— Лучше назови книгу «Как я придумывал название», — сказала моя дочь. — Это хотя бы будет правдой.

Я записал и этот вариант, потому что он звучал подозрительно реалистично.

Потом я позвонил другу и сказал, что не могу придумать название книги. Он сразу ожил и сказал, что название должно быть коротким, емким и загадочным, чтобы человек ничего не понял, но заинтересовался.

— Например, как? — спросил я.

— Например, «Порог».

— Почему «Порог»?

— Не знаю, но звучит.

— А если книга про автобус?

— Тогда «Остановка».

— А если про поезд?

— Тогда «Перрон».

— А если вообще ни про что?

— Тогда просто «Тишина». Очень литературно.

Я записал «Порог», «Остановка», «Перрон», «Тишина» и на всякий случай «Эхо», «След», «Берег» и «Память», потому что такие названия, как мне показалось, можно ставить на любую книгу, и никто не сможет доказать, что они не подходят.

Вечером я показал список названий знакомому, который считает себя знатоком литературы. Он долго смотрел на список, потом сказал:

— Название должно быть таким, чтобы человек ничего не понял, но почувствовал, что книга умная.

— Например?

— Например, «Геометрия одиночества».

— А что это значит?

— Не важно. Главное, звучит.

— А еще?

— «Вертикаль молчания».

— Это вообще про что?

— Это про внутренний мир.

— А если книга про водителя автобуса?

— Тогда «Траектория пути».

Я записал еще десять названий, смысл которых не понимал, но они выглядели очень литературно и могли напугать неподготовленного читателя.

На следующий день я начал проверять, не существуют ли уже такие книги. Я вводил названия в поиск и каждый раз выяснялось, что книга с таким названием уже написана, причем иногда в трех томах и с продолжением. Через два часа я понял, что все хорошие названия уже заняты, а свободными остались только такие, как «История одного человека, который однажды куда-то пошел и что-то понял».

За ужином моя дочь снова спросила, как продвигается книга.

— Книга пока не продвигается, — сказал я, — но название почти готово.

— А о чем книга?

— Пока о названии.

— А сколько ты уже написал?

— Список названий на две страницы.

— А саму книгу?

— Пока нет, но название — это очень важная часть.

— Тогда назови книгу «Список названий», — сказала моя дочь.

— Или «Названия без книги», — сказал я.

— Или «Как придумывать названия», — сказала моя дочь.

— Или просто «Название», — сказал я.

— Лучше «Окончательное название», — сказала моя дочь. — Это всегда выглядит убедительно.

Мне понравился вариант «Окончательное название», и я даже некоторое время думал так назвать книгу, но потом понял, что придется все время объяснять, окончательное ли оно на самом деле.

Через несколько дней у меня было уже три страницы названий, но ни одной страницы книги. Названия становились все длиннее и серьезнее. Появились варианты «Невероятная история одного человека, который однажды понял, что все не так просто, как ему казалось», потом «История о жизни, судьбе, людях и некоторых обстоятельствах», потом «Повесть о том, как все происходило, хотя могло и не происходить». Я понял, что если название будет длиннее книги, то книгу можно будет не писать.

Однажды я встретил знакомого, который спросил:

— Ну что, книгу написал?

— Пока нет, — сказал я, — но название почти готово.

— А сколько ты уже придумываешь название?

— Дней десять.

— За это время можно было написать книгу.

— Но тогда пришлось бы придумывать название.

— Тогда назови ее «Без названия».

— Это как-то странно.

— Тогда «Книга без названия».

— Это еще страннее.

— Тогда «Повесть без названия».

— А вот это уже похоже на литературу, — сказал я.

Я пришел домой, открыл новый файл и написал сверху: «Повесть без названия окончательная». Это название мне неожиданно понравилось, потому что оно было честным и полностью соответствовало состоянию моей работы. Под этим названием я даже написал несколько страниц текста, потому что больше не отвлекался на придумывание названия.

И тогда я понял одну важную вещь. Придумывать название книги можно бесконечно, потому что для этого не нужно писать книгу. Можно сидеть, смотреть в окно, пить чай, советоваться с друзьями, обсуждать с моей дочерью, записывать красивые слова и все это будет называться работой над книгой. Но в какой-то момент приходится выбирать — либо у тебя будет идеальное название и никакой книги, либо будет книга с названием «Повесть без названия окончательная».

И после долгих размышлений я пришел к выводу, что проще написать книгу без названия, чем название без книги, потому что книгу все-таки иногда можно закончить, а название можно придумывать всю жизнь.

Как я писал первую страницу

Когда я начал писать свою книгу, я сразу понял, что самая важная часть книги — это первая страница, потому что если читателю не понравится первая страница, он не будет читать вторую, а если он не будет читать вторую, то все остальные триста страниц можно было не писать. Поэтому я решил, что писать книгу нужно очень правильно и начал с первой страницы, потому что это логично, а главное — безопасно, так как пока пишешь первую страницу, книга вроде бы уже пишется, но при этом ничего еще не происходит.

В первый день я написал: «Это был обычный день». Я прочитал эту фразу и понял, что она звучит слишком спокойно, а книга должна начинаться так, чтобы сразу было понятно, что дальше все пойдет не так. Я подумал и написал: «День был необычный». Потом перечитал и понял, что если день необычный, то надо объяснить почему, а я еще не знал почему, потому что еще не придумал сюжет. Тогда я написал: «Никто не знал, что этот день станет необычным». Эта фраза мне понравилась больше, потому что она ничего не объясняла, но обещала, что что-то произойдет.

В этот момент в комнату заглянула моя дочь и спросила, как продвигается книга. Я сказал, что пишу первую страницу. Она посмотрела на монитор и сказала:

— Ты уже час сидишь и написал одну строчку.

— Это очень важная строчка, — сказал я. — С нее все начнется.

— А что начнется?

— Пока не знаю, но начнется.

— Тогда напиши «Все началось», — сказала моя дочь.

— Это слишком просто, — сказал я.

— Тогда напиши «Все началось неожиданно».

— Слово «неожиданно» я уже запретил, — сказал я. — У меня в прошлой книге все происходило неожиданно.

— Тогда напиши «Все началось как обычно, а потом стало необычно», — сказала моя дочь и ушла, оставив меня в тяжелых размышлениях о литературе.

Я удалил все и написал: «Все началось в тот день». Потом подумал и добавил: «Хотя все началось гораздо раньше». Потом перечитал и понял, что теперь нужно писать, что именно началось гораздо раньше, и написал: «Но на самом деле все началось еще раньше». После этого у меня получилось начало книги из трех предложений, в которых ничего не происходило, но было понятно, что когда-то что-то началось, хотя неизвестно когда.

Я решил посоветоваться с другом и отправил ему варианты начала. Через некоторое время он ответил:

— Все варианты хорошие, но ни один не хочется читать дальше.

— А какой хочется? — спросил я.

— Чтобы сразу что-то происходило.

— Например?

— Например, чтобы кто-то бежал.

— Куда бежал? — Не важно, главное, чтобы бежал.

Я подумал и написал: «Он бежал». Потом понял, что надо уточнить, и написал: «Он бежал по улице». Потом: «Он бежал по темной улице». Потом: «Он бежал по темной улице, не оглядываясь». Потом: «Он бежал по темной улице, не оглядываясь, потому что за ним гнались». Потом я понял, что теперь придется писать, кто за ним гнался, а я этого не планировал, потому что книга у меня была совсем не про это.

Я снова все удалил и решил начать спокойно, литературно и со смыслом. Я написал: «Утро начиналось медленно». Потом перечитал и понял, что утро вообще всегда начинается

медленно, если вставать не хочется. Тогда я написал: «Город просыпался». Потом подумал, что города в книгах все время просыпаются, засыпают, живут своей жизнью и дышат огнями, и решил, что город трогать не надо.

На следующий день я снова открыл файл с первой страницей. Файл уже назывался «Книга_первая_страница_вариант_7.docx».

Я перечитал все варианты с самого начала и понял, что они мне не нравятся, но других у меня не было. Я написал еще несколько: «В тот день ничего не предвещало событий». «События начались позже». «Сначала ничего не происходило». «А потом стало происходить».

В этот момент снова пришла моя дочь, посмотрела на монитор и сказала:

— У тебя вся книга будет так начинаться?

— Нет, — сказал я, — потом она продолжится.

— Когда?

— Когда я напишу первую страницу.

— А ты ее уже неделю пишешь.

— Первая страница — самая важная.

— Тогда напиши сразу вторую, — сказала моя дочь. — Первая пусть потом будет.

Эта мысль показалась мне опасной, потому что если начать писать вторую страницу, то придется писать третью, а там уже и до книги недалеко. Поэтому я решил все-таки победить первую страницу.

Я начал читать первые страницы разных книг. В одних книгах герой уже ехал, в других уже уезжал, в третьих уже возвращался, а в некоторых уже умер. Я понял, что хорошая книга начинается тогда, когда что-то уже произошло или вот-вот произойдет. Тогда я написал: «К тому моменту, когда все это произошло, прошло уже много времени». Потом понял, что это похоже на середину книги, а не на начало.

Прошла еще неделя. У меня было двадцать вариантов первой страницы, и все они начинались по-разному, но заканчивались одинаково — я их удалял. Файл теперь назывался «Книга_первая_страница_самый_последний_вариант_финал_3.docx». Внутри файла было двадцать семь разных начал и ни одного продолжения.

Однажды вечером моя дочь снова спросила:

— Ну что, ты написал первую страницу?

— Почти.

— А вторую?

— До второй еще далеко.

— А сколько всего страниц будет?

— Может, триста.

— Тогда ты можешь всю жизнь писать первую страницу, — сказала она.

— Не могу, — сказал я. — Рано или поздно придется написать вторую.

— Тогда напиши вторую, а первую потом подгонишь, — сказала моя дочь.

— Так нельзя.

— Почему?

— Потому что первая страница должна быть идеальной.

— А остальные?

— Остальные можно попроще, — сказал я и сам удивился тому, что сказал.

В этот момент я вдруг понял одну простую вещь. Пока я пытаюсь написать идеальную первую страницу, книга не пишется. А если написать сто пятьдесят страниц, то первая страница уже не будет такой страшной, потому что за ней будет еще сто сорок девять страниц, и читатель, возможно, простит мне начало.

Я открыл новый файл и написал просто: «Это был обычный день». Потом немного подумал и написал второе предложение. Потом третье. Потом еще одно. И вдруг оказалось, что я уже пишу не первую страницу, а вторую.

И тогда я окончательно понял, что главная страница в книге — не первая. Главная страница — это примерно сто пятидесятая, до которой никто никогда не доходит, потому что все в это время все еще переписывают первую.

Как я сокращал текст

Когда я закончил писать свою повесть, рукопись получилась довольно толстой, и я даже сначала обрадовался, потому что толстая рукопись всегда выглядит серьезнее тонкой, но потом я перечитал ее и понял, что в ней слишком много слов, предложений, описаний, рассуждений, воспоминаний, размышлений героя о жизни, а также рассуждений автора о том, зачем герой размышляет о жизни. Я решил, что настоящий писатель должен уметь сокращать текст, потому что все умные люди говорят, что писать — это значит сокращать, и поэтому я открыл файл и приготовился безжалостно удалять все лишнее.

Сначала я решил начать с прилагательных, потому что где-то прочитал, что прилагательные портят текст, и если их убрать, текст становится строгим, мужественным и литературным. Я нашел предложение «Он медленно шел по длинной темной улице» и решил, что здесь слишком много прилагательных. Я убрал «длинной» и «темной», и получилось «Он медленно шел по улице». Потом я подумал и убрал «медленно», потому что это уже наречие, а я решил бороться не только с прилагательными, но и с наречиями. Получилось «Он шел по улице». Я посмотрел на это предложение и понял, что оно стало короче, но при этом герой теперь шел без настроения, без погоды, без времени суток и вообще неизвестно куда.

В этот момент в комнату вошла моя дочь, посмотрела на монитор и спросила:

— Что ты делаешь?

— Сокращаю текст.

— Зачем?

— Чтобы книга была лучше.

— А что ты сокращаешь?

— Прилагательные.

— А зачем они тогда были?

— Чтобы было красиво.

— А теперь?

— Теперь будет строго и литературно.

— А тебе самому нравится?

— Пока не знаю, — сказал я, — но говорят, так надо.

Я пошел дальше и начал удалять целые предложения. В одном месте у меня было описание комнаты на полстраницы. Я прочитал его и решил, что читателю не так уж важно, какого цвета занавески и сколько было стульев, поэтому я удалил половину описания. Потом прочитал оставшуюся половину и понял, что теперь непонятно, где происходит действие, и пришлось добавить одно предложение, чтобы объяснить, что это все-таки комната, а не вокзал.

Потом я решил сокращать диалоги. У меня был длинный разговор двух героев, который занимал почти три страницы, и они все это время обсуждали жизнь, судьбу и почему все происходит именно так, а не иначе. Я решил сократить диалог наполовину и удалил несколько реплик. После этого диалог стал короче, но герои начали отвечать друг другу на вопросы, которых в тексте уже не было. Пришлось вернуть один вопрос. Потом оказалось, что ответ на этот вопрос я тоже удалил, и пришлось вернуть ответ. Потом оказалось, что без предыдущего вопроса ответ звучит странно, и я вернул еще одну реплику. В итоге диалог стал длиннее, чем был до сокращения.

Я позвонил другу и сказал, что сокращаю текст, но он почему-то становится длиннее. Он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.